

New York Examiner (NY) - February 19, 2016

Jim Bessman; Manhattan Local Music Examiner

Carnegie Hall the scene for Dmitri Hvorostovsky's

Aside from his vocal prowess, Dmitri Hvorostovsky has long been the most charismatic and striking performer in opera, and with his heroic performances as Count di Luna in *Il Trovatore* at the Met last September in the midst of treatment for a brain tumor, the white-haired superstar Siberian baritone became the stuff of legend.

"It's impossible to imagine a singer giving more than Mr. Hvorostovsky did," wrote New York Times critic Anthony Tommasini in his review of the opening night, which ended with the entire orchestra pelting the beloved singer with white roses during the curtain call. Likewise, it's impossible to imagine a more satisfying recital than Hvorostovsky's at Carnegie Hall Wednesday night, which ended with a prolonged standing ovation and an armful of bouquets.

The evening of 19th century Russian art songs from Mikhail Glinka, Nikolai Rimsky-Korsakov and Piotr Ilyich Tchaikovsky, capped by five German lieder by Richard Strauss, began auspiciously, with Hvorostovsky, right hand anchored on the edge of longtime accompanist Ivari Ilja's Steinway, beaming at his receptive audience, taking a deep breath, leaning over and waving at someone in the front, then smiling again and launching into Glinka's "To Molly."

From there the repertoire covered a lot of emotional ground: On Glinka's "Doubt," Hvorostovsky swayed and clasped his hands forcefully as he sang about jealousy, betrayal and "insidious slanders," relaxing at the end with the realization that "the time of sadness will pass," and fully shifting mood to the spritely "Bolero." Six brief songs by Rimsky-Korsakov followed, each with text by either Pushkin or Tolstoy and with its own distinct character manifested in the master's superbly controlled delivery.

The Tchaikovsky segment also favored Pushkin and Tolstoy and led with the beautiful embrace of nature "I bless you, forests" (Tolstoy), ending with "The First Meeting," text here by Grand Duke Konstantin Romanov and sung with proper ebullience. The closing Strauss songs were noticeably marked by Ilja's lovely piano intros and codas, and on "Released," by Hvorostovsky's uncanny ability to somehow convey joy ("Oh happiness!") in death's release from suffering.

He encored with Antonio Valente's "Passione" and the traditional Russian folk song "Nochen'ka" ("The Sweet Night"), the latter alone and unaccompanied. Majestically basking in audience adoration, he beat his heart rapidly and blew multiple kisses back, especially in the direction of ecstatic children screaming from the first tier boxes.

19 февраля 2016 *Джим Бессман, музыкальный эксперт Манхэттена*

Карнеги-холл стал сценой для триумфа Дмитрия Хворостовского

Помимо своего выдающегося вокального мастерства, Дмитрий Хворостовский уже давно считается самым харизматичным и ярким оперным исполнителем, а после его самоотверженных выступлений в партии графа ди Луны в опере "Трубадур" в Метрополитен-опере в сентябре прошлого года - во время лечения опухоли головного мозга - седовласый сибирский баритон превратился в настоящую легенду.

"Трудно представить себе певца, который мог бы отдать публике больше, чем господин Хворостовский", - написал музыкальный критик *The New York Times* Энтони Томмазини в своей рецензии на премьерный спектакль, завершившийся тем, что во время поклонов весь оркестр осыпал любимого артиста белыми розами. Точно так же трудно представить себе более совершенный сольный концерт, чем тот, который Хворостовский дал в среду вечером в Карнеги-холле. Концерт завершился продолжительной стоячей овацией и множеством букетов цветов.

В программе вечера русского романса XIX века прозвучали произведения Михаила Глинки, Николая Римского-Корсакова и Петра Ильича Чайковского, а завершили его пять немецких песен Рихарда Штрауса. Концерт начался весьма многообещающе: Хворостовский, положив правую руку на край рояля «Стейнвей» своего давнего аккомпаниатора Ивари Илии, лучезарно улыбнулся восторженной публике, сделал глубокий вдох, слегка наклонился, помахал кому-то в первом ряду, снова улыбнулся и начал с романса Глинки "К Молли".

Далее программа охватила широкий спектр человеческих чувств. В романсе Глинки "Сомнение" Хворостовский покачивался, крепко сжимал руки, исполняя строки о ревности, предательстве и "коварных наветах", а к концу произведения расслаблялся с осознанием того, что "минует печальное время" и полностью переключая настроение на волшебное "Болеро". Затем прозвучали шесть небольших романсов Римского-Корсакова на стихи Пушкина и Толстого, каждый с собственным неповторимым характером, блестяще переданным благодаря безупречно выверенному мастерству певца.

Фрагмент, посвященный Чайковскому, также включал произведения на стихи Пушкина и Толстого. Он открывался прекрасным романсом "Благословляю вас, леса" (на стихи Алексея Толстого), воспевающим красоту природы, а завершался исполненным с подлинным воодушевлением романса "Первая встреча" на слова великого князя Константина Романова. Заключительные песни Штрауса были отмечены прекрасными фортепианными вступлениями и кодами Илии, а в "Befreite" - сверхъестественной способностью Хворостовского поразительно передавать ощущение радости ("О счастье!") избавления от земных страданий через смерть.

На бис артист исполнил "Passione" Антонио Валенте и русскую народную песню "Ноченька" ("Сладкая ночь"), причём последнюю - сольно, без аккомпанемента. Купаясь в любви публики, Хворостовский величественно принимал овации, быстро бил себя рукой в грудь и посылал зрителям многочисленные воздушные поцелуи, особенно в сторону восторженных детей, радостно кричавших из ложи первого яруса.

Перевод с английского Н.Тимофеева